

Смертельные враги

Автор:

Эмилио Сальгари

Смертельные враги

Эмилио Сальгари

Смертельные враги #3

Книга известного итальянского писателя Эмилио Сальгари «Смертельные враги» понравится всем любителям жанра. Головокружительные приключения, непростые испытания ожидают героев романа, действие которого происходит на просторах Дикого Запада.

Эмилио Сальгари

Смертельные враги

Глава I

На берегах Волчьей реки

Была темная и бурная ночь. Не светились звезды, и не озаряла землю кроткая луна.

На берегу потока, с тихим ропотом катившего свои холодные воды у подножия каменистого холма, пылал костер, и дым, поднимаясь столбом, расплывался под навесом переплетавшихся густых ветвей многовековых лесных великанов.

У костра, расположившись на одеялах из бизоньих кож, сидели люди, прибывшие к берегам потока издалека, из-за океана, чтобы посмотреть на своеобразную жизнь Нового Света...

На огне костра жарились куски оленьего мяса, и воздух был напоен тонким и пряным ароматом.

- Эту местность нельзя узнать! - говорил пришельцам один из проводников. - Сколько дичи было тут! Какие медведи, ягуары, кугуары бродили тут по ночам! Их нет, они истреблены почти совсем!

- А индейцы? - задал вопрос один из путников.

- Индейцы? Они бродят тут и в наши дни, но, конечно, это не те свирепые и беспощадные краснокожие, с которыми приходилось вести без устали кровавую борьбу! Они превратились теперь в мирных поселенцев.

- Которые не прочь заняться при случае конокрадством, а то и грабежом, - пробормотал второй проводник.

- Вы хотите, чужестранцы, видеть краснокожих этих местностей? Ну так ждать и искать их не придется долго! Они, как койоты, чуют поживу! Я слышу крадущиеся шаги двух или трех индейцев, которые издали увидели свет нашего костра и плетутся сюда, чтобы поживиться подачкой, - снова заговорил первый проводник.

Минуту спустя к костру действительно подошли дети этой страны.

Это был высокий, могучего сложения старик и с ним девушка, почти ребенок. На обоих были жалкие лохмотья, лица их были худы и бледны, во взорах читались голод и робость.

Один из проводников хотел отогнать индейцев, но другой остановил его:

- Не трогай их, Сэм! Ну их в болото! Кинь им какую-нибудь кость да пару сухарей, и они будут довольны!

– Да, как же! За ними надо смотреть в оба! Того и гляди украдут еще что-нибудь, а мы будем в ответе!

Но, поворчав, он все же не прогнал пришельцев. Индейцы расположились поодаль от костра, усевшись прямо на земле.

– Он слеп, – сказал вполголоса один из спутников, кивая в сторону старого индейца, смотревшего упорно на костер странно блестящими, но неподвижными глазами.

– А девушка хороша, как цветок! – отозвался другой. – Странная жизнь, трагическая участь! Из господ и владык страны, самой богатой в мире, они превратились в париев, скитаются нищими там, где когда-то царили, в полном смысле этого слова, просят милостыни у тех, кто отнял у них все...

Чужестранцы распорядились, чтобы проводники, не обижая краснокожих, уделили им кое-что из обильной трапезы.

– Маниту да благословит вас за вашу доброту! – мелодичным голосом сказала девушка, беря из рук проводника большой кусок жареного мяса и ломоть хлеба. – Мой дед стар и беспомощен, род наш вымер, и некому помочь нам, а я, женщина, не могу сделать ничего, и мы скитаемся по полям и лесам, лишенные куска хлеба, не смея зайти на ферму, откуда нас выгоняют, травя собаками!

– Бедное дитя! – вымолвил один из чужестранцев.

Когда ужин был окончен, девушка заговорила снова:

– Мой дед просит разрешения у вас, джентльмены, поблагодарить вас, он вам споет наши старинные баллады, наши боевые поэмы.

– Ладно! Пусть поет! – был ответ.

И старик, придвинувшись к костру, запел странным, дребезжащим голосом. Сначала тихо, медленно, речитативом, потом, отдаваясь во власть нахлынувших на него воспоминаний, все громче, властнее, звучнее.

Он вскочил, и стоя, весь освещенный пламенем костра, пел, простирая руки к костру, как будто огню, а не людям рассказывал свою печальную повесть.

В глубоком молчании слушали чужестранцы странную песню краснокожего.

– О чем он поет? – задал один из них вопрос проводнику.

– Да про старое, – неохотно отозвался тот. – Ну, про их знаменитый поход к границам Канады, когда часть племени сиу пыталась окончательно уйти с территории Штатов в Канаду, чтобы, соединившись с племенем «сожженных лесов», попытаться дать отпор бледнолицым.

– Он упоминает какие-то имена. Что это значит?

– А, видите ли. Индейцы этих местностей чтят двух своих сахемов-женщин! Одна звалась Яллой, другая – она жила сравнительно недавно и была дочерью Яллы – звалась Миннегагой.

– Сахемы-женщины? Своего рода Жанны д'Арк краснокожих? – удивились чужестранцы. – И чем они прославились?

– Обе – неукротимой свирепостью! Ялла погубила столько трапперов и солдат, как ни один вождь-мужчина, причем ее любимым занятием было скальпировать белых пленников!

– А ее дочь, Миннегага?

– Она играла главную роль в последних стычках с нашими войсками. Но если вы хотите, джентльмены, я могу вам подробно рассказать всю эту историю, потому что мой отец тоже был одним из участников трагедии, близко знал всех ее героев.

– Расскажите!

И когда краснокожий бард смолк, траппер принялся рассказывать странную и страшную кровавую повесть минувших дней. Повесть о грозных битвах, о скитаниях. Об ужасных жестокостях, применявшихся обеими сторонами, –

повесть о том, как догорало великое пламя несколько столетий назад вспыхнувшего пожара – борьбы между краснокожими и белыми.

Началось дело с того, что молодой охотник, некий Деванделль, попал в плен к сиу и был пощажен ими по настоянию дочери влиятельного вождя, красавицы Яллы, на которой и женился по индейскому обычаю.

Но цивилизованного человека отталкивала от себя страстная и не по-женски властная Ялла, и Деванделль бежал от сиу, оставив Яллу с ребенком-сыном.

Вернувшись к жизни белого человека, Деванделль обзавелся новой семьей, позабыв о существовании Яллы, но не позабыла о нем Ялла: она поклялась, что отомстит изменнику, навлекшему на нее позор.

Прошло несколько лет, и над Деванделлем разразилась гроза.

Во время одного из восстаний краснокожих Ялле удалось захватить в плен двух детей Деванделля, который за это время получил возможность выдвинуться и командовать одним из отрядов войск Соединенных Штатов Северной Америки в чине полковника. Детей этих, мальчика и девочку, Ялла собиралась предать лютым мукам на глазах у их отца, которого она захватила в плен при следующих обстоятельствах.

В стычках с американцами в плен к Деванделлю попал молодой индейский воин, увозивший из лагеря индейцев маленькую девочку: это были сын Яллы от Деванделля и ее дочь Миннегага от брака с вождем «воронов» Красным Облаком.

По приказу Деванделля молодой индейский воин был расстрелян как шпион: отец не узнал собственного сына и предал его казни.

Миннегага отомстила за брата, тяжело ранив ударом ножа в спину Деванделля, после чего Деванделль попал в плен к восставшим индейцам.

Но Ялле не удалось довести до конца свою месть. Она, правда, успела оскальпировать Деванделля, но не успела замучить его до конца. Лагерь

индейцев подвергся нападению американских войск, и красавица Ялла была убита другом Деванделля, правительственным агентом, охотником Джоном Максимом, который освободил полумертвого Деванделля и его детей.

Прошли годы, новый сахем появился у неукротимых сиу: это была Миннегага, дочь Яллы.

В дни нового восстания индейцы жестоко отомстили янки за прежние поражения; большой отряд американских войск, заманенный в один из каньонов Колорадо, подвергся поголовному истреблению, и подвернувшийся под руку мстительной Миннегаге Джон, как когда-то Деванделль, был ею скальпирован на поле битвы, но выжил и снова скитался по прериям Дальнего Запада, ведя жизнь траппера, подвергаясь тысячам опасностей. Миннегага поклялась отомстить ему, убийце своей матери, и поклялась истребить обоих детей полковника Деванделля, освобожденных из плена тем же Джоном Максимом.

Прошли годы, и капризная судьба вновь свела героев печальной драмы: сиу задумали уйти в Канаду, их вели знаменитые вожди, в том числе беспощадная Миннегага.

Старый степной волк, агент Джон Максим, со своими неразлучными спутниками, трапперами Гарри и Джорджем Липтонами, сопровождая молодого Деванделля, сына полковника, оказался в пределах той территории Небраски, по которой проходили переселявшиеся в Канаду сиу.

Казалось, рок тешился, снова сводя вместе непримиримых врагов.

То было темной и бурной весенней ночью.

Утром молодой лейтенант Деванделль с траппером Гарри отправились на охоту, оставив в наскоро сооруженной на берегу могучего потока землянке агента и второго траппера, Джорджа.

Около полуночи верный охотничий пес Джона по кличке Хватай поднял тревогу: лаем он извещал хозяина о приближении опасности.

Этот пес отличался удивительным чутьем и, как и его хозяин, ненавидел краснокожих.

– Боюсь, – поднялся со своего спартанского ложа индейский агент, – боюсь, Джордж, что наши парни попали в беду! Тут шляются краснокожие!

– Может быть, – отозвался траппер, – попросту медведь прошел, и это его присутствие тревожит Хватаю.

– Какое там?! Разве не слышишь, как лает Хватай? Я ведь обучил его, так сказать, подавать военные сигналы! Если бы речь шла о каком-нибудь звере, Хватай просто ворчал бы. А теперь он трижды испустил отрывистый лай, потом залаял еще дважды. Первое означает близость краснокожих. Второе: есть и бледнолицые. Наши друзья в отсутствии, значит, сигнал может относиться к ним. А первый – к краснокожим, которые за ними гонятся! Боюсь, что нам придется в эту ночь удирать отсюда, ведь в открытую борьбу с индейцами вступить мы, конечно, не можем: против каждого из нас они могут выставить по целому отряду. Как бы нам не пришлось жестоко поплатиться за нашу неосторожность, сунувшись так далеко в эту область!.. Эх, предупреждал же я Деванделля, что нам сюда лучше бы и вовсе не показываться! Но у парня течет в жилах горячая кровь, он настоящий сын своего отца, полковника Деванделля, который славился на весь Дальний Запад своей предприимчивостью. «Хочу произвести разведку, чтобы представить командиру генералу Форсайту точные сведения о движении индейцев!» – заявил он. Ну вот и допрыгался! А если еще нет, так допрыгается: не сегодня, так завтра!.. Его покойника-отца когда-то скальпировала ведьма Ялла, как меня – ее дочка, Миннегага. У Джорджа Деванделля, слава Маниту, скальп покуда уцелел, но только покуда, друзья мои!.. Нет, чтоб меня черт побрал за мою недогадливость! Ведь было время, когда эта самая Миннегага, тогда еще девчонка-подросток, была в моих руках, и мне стоило пальцем пошевелинуть, чтобы покончить с ней. Почему я этого не сделал – сам не понимаю! Должно быть, ума меня Бог лишил в то время!.. А сколько человеческих жизней не пропало бы, если бы я покончил тогда с Миннегагой!

– Что пользы вспоминать о старом? – пожал плечами траппер. – Вы, дядя Джон, напрасно предаетесь угрызениям совести! Что с возу упало, то пропало. Лучше пойдемте да посмотрим, не нуждаются ли в нашей помощи лейтенант Деванделль и Гарри. Слышите? Стреляют!

– Конечно, слышу! Получше тебя слышу еще, даром что после оскальпирования я все чаще и чаще страдаю насморком, а при насморке уши постоянно закладывает.

Охотники выбрались из землянки и стали прислушиваться.

Ночь была бурной: от разлившейся реки, по которой неслись глыбы почерневшего, рыхлого льда, доносился непрерывный шум: ледяные осколки, проплывая мимо, сталкивались друг с другом, терлись о скалистые берега Волчьей реки и миллионами голосов твердили о приходе весны, о том, что пришла пора вольным водам освободиться от зимнего плена, разбив свои оковы.

Шумел лес, и по временам слышался треск обломанного сухого сучка, падающего на землю.

– Наши отстреливаются, – вполголоса заметил агент. – Я ясно слышу выстрелы «райфла» Гарри и карабина лейтенанта. Значит, до рукопашной схватки дело еще далеко: перестреливаются на значительном расстоянии. А что ты скажешь, Джордж, об ответных выстрелах индейцев?

– Что я скажу? – почесал переносицу траппер, внимательно прислушиваясь к звукам приближавшейся к землянке перестрелки. – Я скажу, что индейцев не очень много: десятка полтора, не больше, дядя Джон!

– Глуп ты! – рассердился Джон. – Совершенно правильно, что в непосредственной близости к нашим друзьям идет только маленький отряд, человек до двенадцати – пятнадцати. Но ты прислушайся получше, раскрой уши, может быть, услышишь что-нибудь другое!

– Да-да, – озабоченно пробормотал траппер. —

С той стороны к нам приближается большой конный отряд. Я слышу ржание мустангов! Они идут наперерез, чтобы стать между беглецами и рекой!

– Правильно! Только едва ли успеют! Наши-то совсем близко!

Правительственный агент не ошибся: через каких-нибудь десять минут лейтенант Деванделль и его спутник, траппер Гарри, уже добрались, правда, задыхаясь от усталости, но невредимыми, к землянке и сообщили о случившемся. Индейцы, по их словам, несколько отстали от них, но сейчас будут здесь. Защищаться в землянке невыносимо: краснокожие возьмут землянку приступом через полчаса.

– Надо сматываться! – с досадой согласился с высказанным предложением Джон Максим. – Я так и знал! Но что вы, джентльмены, узнали на разведке?

– Очень мало, – отозвался лейтенант. – У «сожженных лесов», как называют теперь себя наши старые знакомые, сиу, не менее шестисот воинов, отлично вооруженных. Они уже перешли бы границу Канады, если б не болезнь главного их вождя Большой Ноги. Большая Нога во время странствований заболел жестоким воспалением легких, и переселенцы вынуждены были нести его на носилках, что, естественно, весьма замедляло поход.

– Ну, а наши старые приятели в самом деле находятся тут? – осведомился агент, торопливо заканчивая сборы в путь.

– Кто именно? – спросил лейтенант.

– Да кто же?! Конечно, о Миннегаге я говорю, молодой человек!

– Здесь и Миннегага, и ее отец, Красное Облако!

– Плохо, значит, дело! Где Миннегага, там все идет шиворот-навыворот. Поторапливайтесь, поторапливайтесь, господа!

– А куда мы бежим? – пожелал узнать планы агента один из трапперов. – Ведь мы прижаты к реке!

– Воспользуемся тем, что лед пошел, поплывем по реке!

– Вот тебе на, дядя Джон! А лодки откуда возьмем?

– Дурак! – хладнокровно отозвался старый лесной бродяга. – А я еще считал тебя за неглупого парня, Джордж! Неужели для таких людей, как мы, обязательно нужны лодки? Ты бы еще осведомился, нет ли к нашим услугам парохода?!

– Но как же...

– Иди за мной, увидишь!

Беглецы, захватив все, что было возможно, и не заботясь об участии четырех мустангов, оставленных в загоне возле землянки, спустились к быстро катившей мутные воды реке. Угрюмый Хватай несся впереди них, время от времени возвещая ворчанием о близости какого-нибудь лесного обитателя.

По дороге беглецы не раз вынуждены были обходить гигантские стволы деревьев, лежавшие на покато́м берегу, а когда добрались до реки, то без всякого труда нашли пару весьма солидных стволов, уже полупогруженных в воду, которые словно только и ждали окончательного толчка, чтобы поплыть по течению.

– Вот наши лодки! – сказал агент. – Живо рубите топорами мешающие ветви, и в путь!

С этими словами Джон первым, подавая пример, вонзил свой топор в лежавший перед ним толстый ствол, а через две минуты уже столкнул этот ствол на воду и вскочил на него, словно на спину мустанга.

– Третий звонок! Больше пассажиров и грузов пароход не принимает, – пошутил он, отталкиваясь от берега.

В самом деле, его импровизированное судно не могло бы принять больше ни пассажиров, ни груза без риска перевернуться.

На одном конце бревна восседал Хватай, все время ворчавший и вглядывавшийся горящими глазами во мглу ночи, на другом конце помещались траппер Джордж и сам Джон.

Второе такое же бревно служило лодкой или плотом для молодого офицера и другого траппера, Гарри.

Перед отплытием в дальний путь беглецы запаслись длинными шестами, которые должны были служить им в качестве весел, но едва только их «лодки» немного отошли от берега, как шесты оказались совершенно бесполезными: полая вода подхватила и понесла бревна с их пассажирами с неудержимой силой, и очень скоро шесты уже не достигали до дна.

- А куда мы плывем? - осведомился Джордж у молчаливого индейского агента. - Ведь впереди пороги!

- Помолчи! Раньше чем мы доберемся до порогов, нам, может быть, десять раз представится случай расстаться с нашими бревнами!

- Это каким же образом? - насторожился траппер.

- А хоть при помощи индейцев! Нагни голову! Скорее!

Машинально охотник согнулся, как говорится, в три погибели, и в это мгновение добрый десяток пуль из винчестеров краснокожих, прискакавших к берегу, засвистел над его головой. Желая представлять собой возможно меньшую цель для нападающих, Джон Максим уже растянулся во всю свою длину по бревну, держась, чтобы не упасть, за обух топора, который он сильным ударом загнал в древесину. Джордж попробовал последовать его примеру, но едва не свалился в воду.

- Нет, уж я лучше посижу, - проворчал он. - Вот только ноги здорово мерзнут в холодной как лед воде.

- А ты подними их выше головы, - посоветовал ему хладнокровно агент. - Это очень полезно, говорят, для кровообращения. Ну, кроме того, может, индейцы отстреляют тебе одну ногу, а то и обе, тогда тебе нечего будет жаловаться на мозоли...

- Будет вам шутить, дядя Джон! - в сердцах отозвался траппер.

– Ладно! Сейчас плакать стану, – проворчал агент.

В это время с плывшего немного впереди бревна, на котором находились лейтенант Деванделль и Гарри, послышались крики:

– Несет к острову посредине реки! Будем приставать?

– Посмотрим! – ответил, озираясь вокруг, Джон. – Ехать так ехать. Высаживаться так высаживаться! Тем более что, в самом деле, мы, кажется, добрались уже до порогов, а перебираться через пороги на бревнах удовольствие весьма сомнительное!.. А тут еще эти красные кровожадные черти! Ей-богу, Миннегага каким-то высшим чутьем обладает! Она чует наше присутствие за десять миль. И ее почтеннейший папаша, Красное Облако, свою руку к травле приложил... Держись, держись, ребята! Пароход причаливает! Сигай на берег, да старайся ног не промочить!

В самом деле, под свист пуль скакавших по берегу индейцев беглецы были течением принесены к затопленному берегу какого-то островка, на поверхности которого здесь и там видны были отдельные купы деревьев.

Если бы беглецы и захотели плыть дальше, это оказалось бы невозможным, потому что служившие им плотами бревна глубоко врезались в прибрежные кустарники и безнадежно запутались в них. С другой стороны, по-видимому, сейчас же за островком вода потока бурно низвергалась с порядочной высоты, разрываемая торчавшими со дна, словно зубы гигантского животного, острыми черными скалами, грозившими разорвать в клочья тело смелого пловца.

– Держи оружие под рукой! – предупредил спутников старый агент. – Хватай так насторожился, что у него даже шерсть дыбом стоит! Голову на отсечение даю, этот островок на самом деле только временно исполняет обязанности острова, на самом же деле составляет часть материка, порядочной величины мыс, а на этом мысу еще до разлива собралась, надо полагать, преизрядная компания всякого зверья. И это зверье, будучи отрезано внезапным разливом от материка, изголодалось здесь до последней степени. Сильные, как водится, все время питались слабыми, но, должно быть, «живые запасы» уже на исходе, и наше прибытие пришлось как нельзя более кстати для какой-нибудь парочки медведей или ягуаров.

– А наши карабины на что? – откликнулся, растирая ноги, траппер Джордж. – Мы им зададим такую встряску, что...

– Смотри, как бы они тебе не задали встряски! Не зевай, не зевай! – крикнул Джон.

И вслед за этими словами дал выстрел в какую-то подкрадывавшуюся сбоку тень.

В ответ на выстрел агента раздался яростный медвежий рев, и гигантский серый медведь поднялся во весь свой исполинский рост в десятке шагов перед охотниками. А из разных уголков островка, полузалитого водой, слышались голоса потревоженных зверей.

– Господи мой Боже! – испуганно отпрянул Джордж, разряжая в медведя свой карабин. – Да мы попали, кажется, в настоящий зверинец!

– К герру Гагенбеку и К°! [1 - Гагенбек, Карл (1844—1913) – основатель крупной фирмы по торговле дикими животными в Гамбурге. Организовал в этом городе один из крупнейших в мире зоосадов.] – засмеялся Джон, добивая новым выстрелом раненого медведя. – Однако не зевай, не зевай, ребята! Раскладывай огонь! Огонь поможет нам защищаться от товарищей этого косолапого!

В мгновение ока беглецы, выбрав удобную позицию, развели костры и принялись отстреливаться из-за этой огненной баррикады, посылая пули в метавшихся по островку диких животных.

А эти последние, словно обезумев, оглашали воздух сотнями яростных голосов, и в этом хаосе звуков сливались рев медведей, мычание бизонов, голодное мяуканье ягуаров, рычание свирепых кугуаров, носящих название американских львов.

И в дополнение к этому концерту откуда-то, правда, покуда еще издали, слышалось перекликанье преследовавших беглецов индейцев...

– Хорошенький концерт, нечего сказать! – ворчал агент. – Пожалуйте, пожалуйста, леди и джентльмены! Вход бесплатный! Желающим преподносится

угощение из свинца!

Глава II

Последняя из атапасков

Подбадривая товарищей своими шутками, старый агент в то же время с явной тревогой озирался вокруг, думая о том, что положение беглецов, спасшихся, правда, от индейцев, но зато наткнувшихся на целое полчище диких и, главное, изголодавшихся зверей, не улучшилось, а ухудшилось. Во всяком случае, беглецы попали, как говорится, из огня да в полымя.

Пока им удавалось поддерживать огонь, они были в сравнительной безопасности. Но небо хмурилось, время от времени с пробежавших над мокрой землей туч падали росинки, и нельзя было поручиться, что к утру не пойдет дождь, который в мгновение ока затушит разведенные костры.

Что будет тогда, когда исчезнет огненная баррикада, сдерживающая разъяренных зверей?

Кроме того, в интересах самих беглецов, стремившихся скрыться от преследовавших их индейцев, было производить как можно меньше шума, привлекать как можно меньше внимания.

А тут как на грех приходилось разводить сильный огонь, свет которого должен был служить краснокожим путеводным маяком, и поддерживать почти без перерыва форменную канонаду.

– Неважны, совсем неважны наши дела! – ворчал про себя правительственный агент, но тут же отпускал какую-нибудь из своих грубоватых шуток, чтобы поднять настроение товарищам.

– Стреляйте, стреляйте, джентльмены! Может быть, мы таким образом разрешим проблему, как накормить всех этих голодных питомцев мистера Гагенбека и К°, и они оставят нас в покое.

– Это как же? – осведомился молодой офицер.

– Очень просто, мистер Деванделль! Обратите-ка ваше внимание на то, что тут творится на наших глазах. Вон смертельно раненный нами по неосторожности гризли, не желая погреть свои бока у нашего костра, отполз в сторону. Может быть, он имел глупость обратиться к сородичам с просьбой сделать ему перевязку. А результаты? Можете видеть собственными глазами! За «помощь» раненому взялись ягуары, но боюсь, что они, будучи не столько терапевтами, сколько хирургами, прирожденными анатомами, препараторами трупов, так «помогут» косолапому, что от него через полчаса останется одно только приятное воспоминание.

Деванделль поглядел в указанном направлении и в полумгле близящейся к концу ночи увидел трагическую сцену: несколько огромных ягуаров сразу набросились, словно по сигналу, на истекавшего кровью медведя и буквально рвали его на куски.

Медведь отбивался, награждая своих кровожадных врагов страшными ударами могучих лап, способными перешибить спинной хребет бизона, но ягуары то ловко увертывались от этих ударов, отпрыгивая в сторону, то снова кидались в атаку на медведя, норовя захватить его сзади.

И вот лесной великан изнемог, обессилен. И тогда над его еще теплым телом закипело отвратительное пиршество: ягуары рылись в его внутренностях, растаскивали куски трепещущего тела гризли и тут же пожирали свою добычу.

А целая стая койотов, или американских волков, окружив тесным кольцом место побоища, жадными горящими глазами следила за трапезой ягуаров и словно ждала момента, когда и им, койотам, представится возможность вонзить свои острые зубы в тело какого-нибудь из пирующих хищников.

– Может быть, в самом деле, если мы уложим несколько штук, остальные, насытившись, успокоятся и оставят нас в покое? – высказал нерешительно предположение Джордж Деванделль, глядя на эту трагическую сцену и невольно крепче сжимая дуло своего «райфла».

– Какое там?! – досадливо отозвался Джон. – Чтобы насытить всю эту массу зверья, собравшуюся здесь, понадобилось бы перебить чуть ли не четверть их. Нет, мистер Деванделль, на это нам надеяться, простите, нечего. Это я только пошутил, что, стреляя животных, мы сможем разрешить задачу, как от них избавиться. На самом же деле нам надо надеяться на что-нибудь другое.

– На что же именно?

– А на какую-нибудь случайность. Или на чудо... Со мной сколько раз бывало: сидишь, кажется, в совершенно безвыходном положении, а тут – трах! – судьбе угодно прийти на помощь, и она посылает...

– Какого-нибудь ангела?

– Н-ну, ангелов, положим, я ни разу не видел, но...

В это мгновение с той именно стороны, где больше всего копошились хищные звери, послышался ясный и спокойный женский голос. И казалось, что действительно свершается неслыханное чудо: среди зверей показалась тонкая и стройная фигурка. К огненной баррикаде шла безбоязненно молодая женщина в живописном костюме индейских скво. В правой руке она держала гибкий хлыст, которым награждала увесистыми ударами попадавших на ее пути хищников, словно завзятая цирковая укротительница, выступающая перед многочисленной публикой.

– Что за наваждение?! – воскликнул, протирая себе глаза, агент. – Ведьма это, что ли?! Еще чего недоставало, так это того, чтобы она уселась на какого-нибудь ягуара и проехала на нем верхом к нам!

– Ну, на ягуаров-то, кажется, ей рассчитывать особенно нечего! – отозвался Деванделль, который тоже с глубоким интересом наблюдал за приближающейся легкой походкой женщиной. – Смотрите, смотрите! Один из ягуаров подкрадывается к ней, чтобы разmozжить ей голову ударом лапы.

В самом деле, коварное животное готовилось уже прыгнуть на беззащитную жертву, но в это мгновение вывернувшийся сбоку огромный гризли нанес гигантской кошке такой удар могучей лапой, что ягуар распластался на земле, а потом пополз в сторону, волоча за собой задние ноги: у него был перебит

спинной хребет, и теперь ему осталось жить всего несколько минут. Да и эти несколько минут оставшейся жизни были у него сейчас же отняты: койоты накинулись на него сзади, и через минуту смолк его яростный вой. Он был разорван в клочья койотами.

А странная, фантастическая укротительница диких зверей тем временем спокойно приблизилась к огненной баррикаде и остановилась в двух шагах от нее, и стояла, скрестив руки на груди, вся озаренная призрачным светом догоравшего костра, словно изваянная рукой великого скульптора статуя.

– Кто вы, пришельцы? – прозвучал ее мелодичный голосок. – И чего ищете вы здесь, в последнем уголке земли, принадлежавшей некогда великому племени атапасков?

– Мы? – отозвался Джон. – Мы – мирные охотники, дитя! Чего мы ищем? Убежища! Если ты прислушаешься внимательно, то без труда обнаружишь, что по обоим берегам потока, по которому мы приплыли сюда, на этот остров...

– Это не остров. Это часть материка, превратившаяся в остров лишь из-за разлива реки.

– Все равно, дитя. Словом, по обоим берегам потока снуют наши враги, ищущие нашей гибели.

– Какое имя носят эти люди?

– Раньше они называли себя «сиу». Теперь они приняли имя «сожженных лесов».

– Те самые безжалостные сиу, которые, прибыв сюда в начале зимы, без пощады истребили остатки моего племени? – удивленно переспросила девушка. – Это опасные враги! Они не знают, что такое честь! Они не стыдятся убивать женщин и детей!

– Да, это наши смертельные враги! – мрачно произнес Джон Максим. – Ими руководит женщина, но в душе этой женщины дьявол.

– Может быть, я могу помочь вам? – после минутного молчания вымолвила странная повелительница зверей.

– Ты? Каким образом?

– Если вы враги сиу, то не можете быть моими врагами.

– О, разумеется! У кого же из честных людей поднялась бы рука на такое создание, как ты, дитя?!

– Тогда я могу вас укрыть, могу ввести вас в «последнее убежище атапасков».

– Это что же такое? – изумился Джон.

– «Убежище атапасков» – это большая пещера в скалах. Там я родилась, там я выросла и мирно жила с моим дедом, великим мудрецом атапасков, которого почитали не только люди, но даже звери. Но вот в эти края хлынули сиу, и они не пощадили так гостеприимно принявшего их моего бедного, дряхлого деда, того, которому лизали руки ягуары и перед кем ложились, укрощенные одним его светлым и кротким взором, свирепые гризли.

Сиу хуже ягуаров, свирепее, чем гризли, коварнее, чем гремучая змея, которая жалит только тогда, когда ей самой грозит опасность. О Маниту, Великий Дух! Ты отвратил свой взор от детей твоих, от племени атапасков, и теперь в мире осталась только я одна из потомков Атапа, непобедимого воина, и ночью призраки вьются надо мной и предрекают близость моей гибели. Скоро, я знаю, и я уйду в страну теней. Но я готова к этому.

Вымолвив это, девушка вновь обратилась к охотникам, предлагая им надежное убежище в недрах скалы.

– Но как мы пройдем туда? – осведомился Джон, угрюмо и недоверчиво показывая на державшихся в некотором отдалении хищников.

– Ты боишься этих котят? – презрительно улыбнулась индианка. – О нет, тебе нечего опасаться! Они послушны мне, как дети своей матери.

– Хороши дети! – покосился на ползшего между скал великолепного кугуара агент. – Смотри, дитя! Когда-нибудь они сожрут и тебя! И так я не понимаю, какими чарами ты ухитришься держать их всех в повиновении.

Девушка улыбнулась.

– Но ведь большая часть этих животных воспитана в нашей же пещере моим покойным дедом, великим мудрецом. Он выкормил их, он обучал их слушаться моего взгляда, моего голоса...

– Ты говоришь, что только часть хищников укрощена. А другая часть?

– Это совершенно дикие животные, – ответила равнодушно индианка. – Внезапное наводнение загнало их сюда, и мне трудно справляться с ними, но покуда я справляюсь, потому что знающие меня ягуары, и особенно медведи, держат мою сторону и защищают меня. Но пойдете же! Если ваши враги, сиу, доберутся вон до того вдающегося в воду мыса, то оттуда они смогут подвергнуть перекрестному огню вашу позицию, и вы будете истреблены в несколько минут. А в моем приюте, в недрах скал, вы будете в полной безопасности, по крайней мере, на какое-то время, ибо раньше, чем проникнуть в пещеру, индейцам придется выдержать бой со всем моим зверинцем. Идите же за мной и ничего не бойтесь!

И девушка той же легкой походкой направилась в сторону от костра, помахивая своим хлыстиком на разбежавшихся при ее приближении зверей.

Дивясь и опасливо поглядывая, держа оружие наготове, беглецы последовали за своей странной проводницей, вполголоса переговариваясь о случившемся.

Через пять или десять минут они оказались на небольшой гладкой площадке, упирившейся в почти отвесную скалу. В этой стене зияло отверстие, полуприкрытое пышно разросшимися кустами. Должно быть, когда распускалась зелень и кусты надевали свой весенний наряд, вход в «последнее убежище атапасков» совершенно скрывался от взоров плывущих по реке или бродивших по ее берегам охотников. Да и сейчас, особенно в призрачном свете зари, вход с трудом можно было отличить от простой выбоины в скале.

- Это и есть «последнее убежище атапасков»? - спросил девушку Джордж Деванделль.

- Да! - только и ответила она.

- Почему так названо это место? - допытывался офицер.

- Сейчас сам увидишь! Следуйте за мной!

И она грациозно скользнула под мрачные своды пещеры.

Ход в «последнее убежище атапасков» представлял собой узкий и достаточно высокий коридор, бредя по которому Джон не преминул отметить, что снаружи не так-то легко проникнуть внутрь, если только в пещере засядет несколько десятков смелых и решительных воинов, располагающих к тому же достаточным количеством патронов.

- Нельзя ли получить, однако, билет туда и обратно? - пошутил он, намекая на то обстоятельство, что пещера имеет единственный выход. Стоит преследователям овладеть этим выходом, и беглецы, вместо того чтобы иметь надежное и безопасное убежище, окажутся в форменной мышеловке.

- Н-да, уйти отсюда нам будет трудновато. Как бы не застрять здесь. Слушай, девушка! Ведь мы можем оказаться как в могиле! - заговорил траппер Джордж.

- Тебе нечего опасаться этого, друг, - ответила девушка спокойно. - Вода идет уже на убыль, и сегодня к вечеру или завтра утром откроется боковой выход, сейчас затопленный половодьем, и тогда вы спокойно переберетесь на материк.

- Хорошо, если так, - вздохнув, ответил агент.

Сделав еще несколько шагов, беглецы очутились в центральной пещере, освещенной падавшим откуда-то сверху слабым светом зари. Невольный крик изумления и, пожалуй, даже испуга вырвался одновременно из уст всех четырех. Они остановились как вкопанные и робко озирались вокруг.

И в самом деле, все окружающее могло вселить какие угодно, только отнюдь не веселые мысли: везде и всюду, насколько хватало глаз, на полу и у стен пещеры виднелись бесчисленные неподвижные почерневшие человеческие фигуры. Везде из земли торчали плоские каменные плиты, украшенные пестрыми рисунками с изображением птиц, зверей и людей.

– Что... Что это такое? Куда мы попали? – невольно схватился за руку Джона Максима молодой офицер, первый раз в жизни увидевший нечто подобное.

– Гм! По правде сказать, мистер Деванделль, – отозвался смущенно агент, – настоящее имя этому... гм... помещению, что ли... Ну, попросту индейское, извините, кладбище. Или, если хотите, это склеп для сохранения индейских мумий, с вашего позволения... Но, с другой стороны, здесь, право же, не так плохо, как это может показаться с первого взгляда. Конечно, мало приятного глядеть на, извините, мертвяков... Но когда немножко приглядишься, право же, эти индейцы куда безобиднее, чем шляющиеся сейчас по берегам потока наши приятели сиу.

– Н-ну, смотря на чей вкус, Джон!

– Да, конечно. Но эти только глазуют на нас своими стекляшками-глазами, а те ведь так и лезут, чтобы снять с нас скальпы. Вы, мистер Деванделль, попросту не обращайте внимания на мумии, а они, право же, нам ничуть не помешают.

– Положим, – смеясь согласился Деванделль, который уже овладел собой и не без любопытства осматривал оригинальнейшее, надо полагать, во всем мире чуть ли не единственное подобное трупохранилище.

Тем временем молодая индианка со своей спокойной грацией легкой тенью скользила среди могильных столбов и самих мумий, ничуть не смущаясь, прикасалась к их иссохшим телам, мимоходом опиралась на плечо прикорнувшего, словно дремлющего у стены воина или переступала через съезжившееся, сморщившееся тельце ребенка, закутанного в пестрое одеяло.

– Брр! – пробормотал траппер Гарри. – Во всяком случае, странен вкус у того, кто этот склеп избрал в качестве своего жилища.

– Человек не скотина, ко всему привыкает, – сделал глубоко философское замечание другой траппер, Джордж. – Я знал одного гробокопателя, который повесился от скуки, когда его выгнали с кладбища за пьянство и слишком бесцеремонное отношение к покойникам, которых он иногда под пьяную руку продавал студентам какого-то колледжа!..

– Будет вам болтать, ребята! – перебил их разговоры Джон, успевший отыскать более или менее свободный уголок у стены, поодаль от коллекции индейских мумий, и расположился там, разостлав на полу свое шерстяное одеяло. – День уже настал, мне закусить хочется, и я не вижу причин, чтобы отказываться от привычки завтракать. Вся эта компания ничуть не портит моего аппетита. Я не прочь предложить какому-нибудь из этих высушенных вождей славного племени атапасков разделить со мной трапезу. Эй, голубчик! Орлиное Перо или Соколиный Хвост, или как там тебя зовут? Не хочешь ли выпить со мной чарочку виски?

Мумия, к которой обратился со своей довольно-таки циничной шуткой агент, вдруг закачалась, потом...

Деванделль не верил своим глазам.

Потом эта мумия подняла, как бы прося виски, свои иссохшие руки, закивала головой и произнесла замогильным голосом:

– Давай, Джон! Выпью за твое здоровье!

– Черт! Вельзевул! – заорал, вскакивая в испуге, индейский агент, который не ожидал такого странного эффекта от своей шутки. – Что за наваждение?!

И он инстинктивно схватился за оружие.

– Почти покой мертвых и не стреляй в грудь своему лучшему другу! – продолжала тем временем объясняться мумия.

В звуках голоса, произносившего эти слова, было что-то знакомое, что-то напоминавшее Джону Максиму о его прошлом. Знакомым казался замогильный голос и для Джорджа Деванделля, и для обоих трапперов. Но последние были до

того перепуганы, что не могли ничего сообразать.

- Что за черт?! - рассердился наконец Джон. - Ей-богу, я слышал раньше твой голос! Где это было? И когда?

- Когда мы, друг, дрались против коалиции сиу, арапахов и чэйэнов! Тогда меня звали...

- Тебя звали Сэнди Гуком, каналья! - не выдержал Джон и кинулся к мумии. Мумия пошатнулась, упала, и на ее месте показалась фигура знаменитого «контролера поездов Дальнего Запада», попросту - бандита Сэнди Гука, участвовавшего в кровавых перипетиях подавления последнего большого восстания индейцев, когда в Скалистых горах был поголовно истреблен отряд генерала Честера, заманенный в ловушку знаменитым Сидящим Быком.

- Сэнди! - воскликнул агент.

- Собственной персоной, мистер Джон!

- Каким ветром тебя сюда занесло?

- Вероятно, тем же самым, что и вас, мой любезный друг! Мы с лордом Вильмором - помните ли вы сего потомка владык Англии? - мы удрали сюда от сиу!

- Лорд Вильмор тут?

- Разумеется!

- Где же он? Почему не показывается?

- А я, за пять минут до вашего появления, расквасил ему физиономию, и он теперь занят тем, что пытается охладить свой хобот.

- Вы подрались?

– Да нет же! Неужто вы забыли благородные привычки лорда Вильмора? А еще когда-то сами путешествовали с ним в качестве проводника! Стыдитесь, Джон!

– Нечего мне стыдиться, – проворчал Джон, спокойно усаживаясь на свое место. – Помню, что этот англичанин был совсем полоумным.

– Ну, совсем полоумным я бы его не назвал, Джон, – отозвался спокойно бандит, усаживаясь рядом с агентом. – Просто-напросто он вбил в свою крепкую голову, что должен истребить ни много ни мало как тысячу бизонов, и с тех пор страдает болезнью, которую я называю бизонтитом. Ну а кроме того, он поклялся, что когда-нибудь победит меня в честном бою на кулаках, и с тех пор не разлучается со мной. Он меня даже в свой родовой замок в Англию выписывал для ежедневных упражнений в боксе, но я ему там задал такую трепку, что он месяца полтора в постели лежал, и...

– И что же?

– И был очень доволен!

– Стойте, стойте, Сэнди Гук! – прервал болтовню бандита лейтенант Деванделль. – Насколько я помню, в те дни, когда мы с вами бродили по прерии, вы все толковали, что вам надоела бродячая жизнь, и рассчитывали, получив амнистию за услуги, оказанные правительству Штатов, вернуться к себе на родину, где вас кто-то ждал?

– Моя престарелая мать, лучшая женщина в мире, сэр!

– И что же?

– Увы, сэр! Ведь генерала-то Честера, который, собственно, вел со мной все переговоры и который так ценил мои скромные услуги, индейцы ухлопали раньше, чем он успел сделать что-либо для меня. Помните? Ведь Сидящий Бык разрубил грудь Честера, вырвал оттуда еще трепетавшее сердце и публично сожрал его в назидание потомкам!

– Помню, помню!

– Ну, вот так моя амнистия и лопнула. И, кроме того, мне не удалось получить обещанных Честером денег... Словом, сэр, я по-прежнему скитаюсь по белу свету...

– И грабите поезда?

– Кой черт?! Я, сэр, нашел гораздо более выгодное занятие! Помните пристрастие лорда Вильмора к разного рода приключениям, стремление все коллекционировать, любовь к боксу и прочие чудачества? Я оказался буквально незаменимым компаньоном для лорда, и поэтому он позволяет мне стричь себя, как овца позволяет пастуху обдирать с ее шкуры шерстку.

Ну, и теперь я самым честным трудом зарабатываю себе хлеб мой насущный, – стрижкой этого чистокровного английского барана.

Когда я чуть не выбил ему глаз, он дал мне сто долларов. За разбитое ребро я получил полтора. За каждый выбитый зуб – по пятьдесят долларов.

– А за расквашенный сегодня нос сколько вы получили с него?

– О мистер Джон! Расквашенный нос – это чистейшие пустяки! От каждого раза я получаю только по десять долларов. Так что сегодняшней день, положим, не пропал даром, но и не дал мне порядочного заработка.

– Но что же вы делаете с заработанными вами столь оригинальным способом деньгами?

– Я? Я посылаю их моей матери. Знаете, моя старушка весь свой век мечтала о том, чтобы остаток жизни прожить не в наемной квартире, а в собственном доме. Домовладельцы – это настоящие акулы, джентльмены! Ну, и теперь у моей матери, благодаря моим трудам и моему искусству, есть маленький, но уютный коттедж, поле, садик, огород – все как игрушечка!

И, кроме того, старушка может, посещая приходскую церковь, подносить маленькие подарочки господину пастору, может принимать участие в подписке в пользу общества утирания слез у малолетних глухонемых китайцев и так далее... Не правда ли, это очень трогательно?

И Сэнди Гук так лукаво подмигнул своим знакомым, что те не выдержали и расхохотались как сумасшедшие.

Тем временем из глубины зала, из какой-то боковой галереи, показалась странная и нелепая фигура неисправимого эксцентрика, лорда Вильмора.

Шагая деревянными шагами, он приблизился к группе охотников, смотревших на него во все глаза, внимательно оглядел их, потом потер себе руки и вымолвил спокойно и решительно:

– Знаю. Узнаю. Разбойники. Грабители.

Эти эпитеты относились к Джону и обоим трапперам.

Лорд Вильмор не мог забыть и простить честным охотникам того обстоятельства, что когда-то, несколько лет тому назад, они, нанявшись к нему в качестве проводников и помощников для охоты на бизонов, потом отказались возиться с ним из-за начавшегося восстания индейцев, чтобы принять участие в защите истребляемых краснокожими поселков пионеров.

Помня странности английского аристократа, попросту считая его маньяком и невменяемым, беглецы отнеслись очень равнодушно к тем эпитетам, которыми Вильмор их награждал, и только расхохотались, когда Вильмор обратился к настоящему бандиту с заявлением:

– Вы, мистер Гук, должны будете защищать меня от этих темных рыцарей больших дорог!

– Я? – отозвался бандит, подмигивая Джону. – С величайшим удовольствием, ваша светлость! Подержите-ка вы их тут, а я сбегаю за ближайшим полисменом, и мы их тут же повесим.

– Вешать их я не желаю! – смилостивился лорд. – Но они должны быть переданы законным властям для судебного разбирательства!

– Ладно, ладно, ваша светлость, – смеялся бандит. – Вот мы сейчас возьмем с них подписку о невыезде.

Вильмор милостиво изъявил свое согласие с этим предложением и уселся рядом с Сэнди Гуком.

Глава III

Каменная мышеловка

Моноotonно и скучно тянулся этот день – первый день беглецов в недрах скалы, в «последнем убежище атапасков».

Предсказания молодой индианки не оправдались: вода разлившейся Волчьей реки не убывала, а, напротив, поднималась.

Потайной выход из пещеры через коридор, оказавшийся теперь залитым на протяжении не менее нескольких десятков метров, был закрыт, и беглецам оставалось только одно – отсиживаться в пещере.

Разумеется, очень скоро охотники, приученные своей полной приключений жизнью смотреть в глаза сторожащей их смерти, освоились с соседством нескольких сотен мумий индейцев и обращали на высохшие трупы столь же мало внимания, как и сама хозяйка этого подземного жилища, последняя из вымершего племени атапасков.

Только агент Джон Максим попрекнул бандита Сэнди Гука за его неуместную шутку, сказав:

– Неладно вы шутите, Сэнди!

– Почему это? – удивился бандит.

– Да так, вообще... Покой мертвых следовало бы уважать. А вы дергали мумию, как куклу, заставляли ее махать руками, трясти головой... Нет, неладно это вы сделали, Сэнди!

Но бандит не любил лазить за словом в карман и отпарировал выпад старого агента, заявив:

– Так, так... Извиняюсь, мистер Джон! Но, видите ли, я-то, собственно, тут решительно ни при чем. Просто, когда услышал звук шагов и ваши голоса, желая убедиться, что мне и полоумному лорду не грозит от пришельцев опасность, я забрался в тень, спрятавшись за одной из мумий, ничуть не желая этим оскорблять, как вы изволите выражаться, покой мертвых. Отношусь к этому покою с полным уважением.

Ну, и сидел бы я тут смирнехонько, слушая ваши интересные разговоры, покуда не настал бы вождеденный момент представить мою скромную персону вашему блестящему обществу. Но тут кому-то из вас пришла в голову дикая мысль предложить чарочку виски мумии вождя, за которой я скрывался. Разумеется, я воспользовался любезным предложением и заговорил от имени приглашенного.

Джон, как говорится, прикусил язык. Удар Сэнди Гука метко попал в цель.

Разговор не замедлил обратиться к другим темам, и очень скоро беглецы принялись толковать о странном поведении их гостеприимной хозяйки, молодой индианки.

Девушка эта, по виду полуребенок, была по-своему красива. У нее были пышные вьющиеся волосы, словно мантией прикрывавшие ее тонкие плечи, черты лица отличались известной правильностью, и только бронзовый цвет кожи выдавал ее индейское происхождение. Устроив в «последнем убежище атапасков» беглецов, индианка, казалось, перестала обращать на них внимание и занялась своими делами.

Пещера имела несколько отделений, своего рода ниш или побочных коридоров-тупиков, по-видимому, служивших для индианки в качестве ее спальни, кухни, туалета и так далее.

И вот, оставив гостей располагаться как им угодно и делать что им больше по душе, индианка удалилась в одно из этих помещений, откуда вышла только через полчаса, но вышла совершенно преображенная.

Она изменилась настолько, что беглецы с трудом узнали ее: изменились ее походка, ее манеры, ее костюм.

Она расчесала свои пышные волосы и заплела их в несколько десятков отдельных тоненьких кос, перевитых цветными ленточками и ремешками.

Вся эта масса косичек сдерживалась на голове подобием диадемы из массивного золота с какими-то иероглифами и изображениями птиц и зверей.

Плечи оказывались открытыми, равно как и обе руки, тонкие и нежные. Стан индианки облекло теперь одеяние из белой шерстяной ткани, украшенной опять-таки иероглифами и символическими рисунками.

Вместо мокасин ножки последней из атапасков были обуты в подобие сандалий.

Личико казалось словно побледневшим, поблекли алые уста, но глаза светились странным, мрачным огнем. И голос звучал глухо и трагически.

– Что с тобой, дитя? – спросил индианку агент.

– Я слышу голоса ушедших в страну теней! – отозвалась индианка, рассеянно оглядываясь вокруг.

– Кого это?

– Моих предков! Всего моего племени!

– Что ты выдумываешь?

– Я никогда ничего не выдумываю! – ответила девушка серьезно и печально. – Мой дед учил меня всегда говорить правду и стыдиться лжи, потому что ложь оскверняет уста, ее произносящие, а мои уста должны быть чистыми в смертный час.

– И что же тебе говорят эти фантастические голоса твоих предков, которые я считаю просто за шум в твоих ушах от прилива крови?

– Они зовут меня к себе! Они твердят, что пришел час, когда последняя из атапасков должна на крыльях смерти лететь в страну теней, чтобы присоединиться к ранее ушедшим туда атапаскам и вместе с ними принять участие в жизни на зеленых лугах Великого Маниту...

– Словом, эти голоса предрекают тебе смерть? Но ведь ты здорова! И мы с тобой! Если ты боишься чего-нибудь, то ведь мы мужчины. Мы будем защищать тебя и, покуда не ляжем все до последнего, не дадим тебя в обиду никому!

Девушка, глядя в неведомые дали затуманенным взором, пожала плечами.

– Я слышу голос моей матери! – нараспев произнесла она. – Та, которая дала мне жизнь, та, которая качала мою колыбель, баюкая меня своей песней, зовет меня к себе.

Я слышу голос моего отца!

Он защищал наш вигвам от врагов, оберегая мой покой. Теперь, размахивая золотистым копьем, он зовет меня к себе.

Я слышу песню моей сестренки, убитой сиу в начале зимы. Она смеется, заплетая венок, и манит меня к себе. Ей скучно там, на зеленых лугах Маниту, потому что она привыкла играть со мной, и теперь она зовет, манит меня улыбкой, знакомым голосом.

Я иду, я иду к тебе, моя маленькая пчелка, моя птичка, мой цветочек, моя сестричка!

Прощайте, бледнолицые!

С этими словами индианка вскочила и помчалась к выходу из пещеры.

Это произошло так неожиданно, что остолбеневшие беглецы не успели загородить дорогу девушке, удержать ее.

– Это черт знает что такое! – первым опомнился Джон. – Эта сумасшедшая девчонка побежала топиться!

– Мы должны помешать ей исполнить это дикое намерение! – отозвался Джордж Деванделль. – Может быть, она накурилась какого-нибудь зелья и теперь в одурманенном состоянии способна наделать безумств! Поспешим за ней, друзья, чтобы предотвратить непоправимое несчастье!

– Не сможешь! – возразил Сэнди Гук. – Разве вы не видели, что маленькая индианка уже нарядилась в смертный саван атапасков?!

Однако, когда Джон и трое его спутников выбежали из пещеры, держа в руках ружья и револьверы, Сэнди Гук бежал с ними рядом, ни на шаг не отставая от них. Он только ворчал:

– В сущности, каждый имеет право распоряжаться собственной жизнью, и не понимаю, по какому праву мы должны вмешиваться в это дело?! Но девочка очень милое существо, и мне, право, жаль ее!

Над рекой плыл холодный клубящийся туман, окутывавший, словно мантией, островок с «последним убежищем атапасков». Сквозь волны тумана смутно виднелись стволы деревьев, очертания скал. Казалось, все вокруг переполнено призраками.

– Вот она! – крикнул Джон, указывая по направлению к скале, на вершине которой стояла, простирая руки вдаль, индианка.

– Смотрите, смотрите! Звери подкрадываются к ней! О господи! – крикнул Деванделль.

Раньше чем охотники успели схватиться за ружья, разыгралась катастрофа: огромный ягуар, ползший змеей по следам индианки, взвился в воздух, упал на девушку, одним ударом могучей лапы раздробил ее голову и припал к окровавленному трупу.

Загремели выстрелы, посылая смерть хищникам, окружавшим скалу, на которой умерла последняя из атапасков, но эти выстрелы были уже бесполезны. Даже больше: они привлекли внимание изголодавшегося зверья и хищники закружились около охотников с явным намерением кинуться на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гагенбек, Карл (1844—1913) – основатель крупной фирмы по торговле дикими животными в Гамбурге. Организовал в этом городе один из крупнейших в мире зоосадов.

Купить: https://tellnovel.com/sal-gari_emilio/smertel-nye-vragi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)